

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 2. С. 248–254.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2025. Vol. 8, no. 2. P. 248–254.

Рецензия на книгу / Book Review

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2025-8-2-248-254

ЧААДАЕВ НЕ АКТУАЛЕН?

Рецензия на книгу Михаила Велижева «Чаадаевское дело: идеология, риторика и государственная власть в николаевской России».

М.: Новое литературное обозрение, 2022. 392 с.

Алина Андреевна Жукова

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Москва, Россия, aazhukova@hse.ru

Благодарности. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Жукова А. А. Чаадаев не актуален? // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 2. С. 248–254. doi:10.17323/2658-5413-2025-8-2-248-254.

Academic Life. Reviews

CHAADAEV IS IRRELEVANT?

Review of the Book by M. Velizhev

“Chaadaev Case: Ideology, Rhetoric, and State Power in Mykolaiv Russia”.

Moscow: New Literary Review. 392 p.

Alina A. Zhukova

National Research University

“Higher School of Economics” (HSE University),

Moscow, Russia, aazhukova@hse.ru

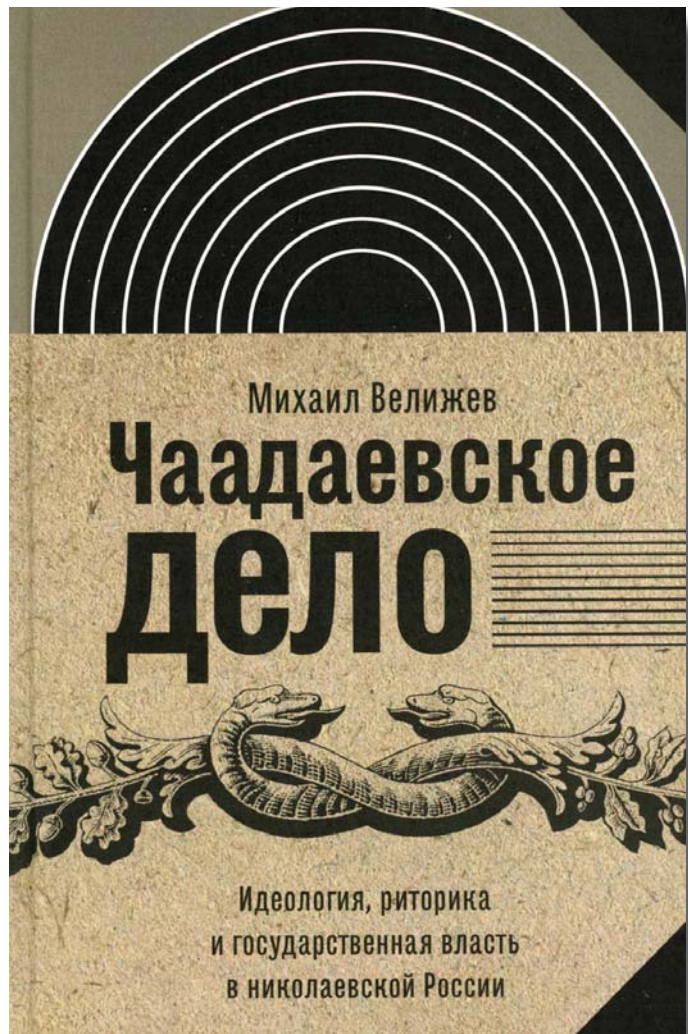

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Zhukova, A. A. (2025) “Chaadaev is Irrelevant?”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 8(2), pp. 248–254. (In Russ.).
doi:10.17323/2658-5413-2025-8-2-248-254.

«На примере “телескопического” дела я пытался показать, что вневременные закономерности являются мнимыми, а история часто развивается непредсказуемо и зависит от поступков конкретных людей в конкретных обстоятельствах» (с. 251) — так Михаил Велижев, кандидат филологических наук, специалист по русской и европейской интеллектуальной истории Нового времени, в послесловии к своей монографии «Чаадаевское дело: идеология, риторика и государственная власть в николаевской России» определяет ее задачу и даже, можно сказать, миссию. Послесловие написано в мае 2022 года, на заключительном этапе работы над книгой, почти на самом пике интенсивности дебатов об особом пути и судьбе России. В парадигме этих обсуждений было, в частности, представление о повторяемости сценариев русской истории, и, как отмечает М. Велижев, такой контекст может давать неверную интерпретацию и фигуры Чаадаева — пророка, предсказавшего вечное блуждание России по одному и тому же маршруту. Сама монография вышла в 2022 году в серии «Интеллектуальная история» издательства «Новое литературное обозрение» (НЛО). Однако это событие осталось практически не-

замеченным ни рецензентами, ни прессой, ни интеллектуальными кругами. Мне удалось найти всего две рецензии, и в них публикация книги рассматривается преимущественно с точки зрения российского чаадаеведения и вклада в него М. Велижева. Более интересным, на мой взгляд, является другой аспект, а именно методологический.

Несколько лет назад, в ноябре 2018 года, мне довелось посетить презентацию другой книги НЛО — сборника «Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории» [Кембриджская школа ... , 2018]. В него помимо методологических манифестов Кв. Скиннера и Дж. Покока и их критики вошли также статьи российских историков и философов, в которых рассматривались политические языки российской интеллектуальной действительности сквозь призму методологии Кембриджской школы. Не могу утверждать, что тогда на презентации мне, студентке 2-го курса бакалавриата, было все понятно, но от дискуссии определенно осталось ощущение торжественности момента введения в русскоязычное академическое и публичное пространство методологии Кембриджской школы, а также краткий конспект обсуждения, записанный почти неразборчивым почерком в небольшом блокноте даже не «на коленке», а фактически на стене зала презентации в Шанинке. В сети запись обсуждения сейчас недоступна, поэтому проверить достоверность моего конспекта не представляется возможным. Однако обрывается он на достаточно интересном моменте — тезисе о том, что без применения методологии Кембриджской школы к делу басманного философа «у пяти (воображаемых) авторов статей о Чаадаеве получится пять разных Чаадаевых». Статью для сборника, посвященную первому «Философическому письму» Чаадаева, написал именно М. Велижев, и поэтому публикацию монографии о чаадаевском деле стоит, на мой взгляд, рассматривать не только как очередной этап в исследованиях Чаадаева автором, но и как продолжение не столь интенсивного разговора о политических языках в российской интеллектуальной действительности. Тем не менее стоит сразу оговориться, что методологическими ориентирами исследования являются не только идеи Кембриджской школы, но и микроисторические исследования, представленные прежде всего итальянскими авторами (К. Гинзбург, Э. Гренди, Дж. Леви, С. Черутти). При этом если к микроисторикам М. Велижев отсылает читателя прямо (с. 8–10), то о влиянии идей Кембриджской школы он намеренно или же ненамеренно умалчивает. Предположим, это часть некоторой стратегии автора, ведь возможность применения этой методологии к русской истории уже не раз обсуждалась и критиковалась [Павлов, 2018]. Поэтому в данном кейсе отсутствие упоминания Кембриджской школы скорее преимущество — так автору, на мой взгляд,

остается больше пространства для методологического маневра. Но обратимся непосредственно к тексту.

Публикация первого «Философического письма» Чаадаева в 1836 году и последующее развитие событий являются, безусловно, уникальным кейсом для российской интеллектуальной истории. Во введении М. Велижев отмечает, что «современная репутация Чаадаева основана на отказе от исторического анализа созданных им трудов» (с. 8), и поэтому стремится, наоборот, вернуть Чаадаеву темпоральность, поместить его в историю, очистить от чужеродной мифологии. Иными словами, автор книги предлагает отказаться от презентистского подхода, одним из следствий которого является эффект аберрации, утраты прошлым собственной автономии, в пользу контекстуального метода, характерного для Кембриджской школы. Фактически задача у автора — доказать, что Чаадаев не актуален, а историчен. Каждая из одиннадцати глав и есть опыт контекстуализации (исторической и идеологической) событий 1836 года. При этом книга разделена на две части: в первой М. Велижев анализирует риторику и аргументацию первого письма, во второй рассматриваются социальные и политические аспекты вынесения Николаем I вердикта о «сумасшествии» Чаадаева. После текста собраны примечания и библиография. Они составляют почти четверть книги, но отмечу, что постраничные сноски воспринимались бы лучше.

Исследование М. Велижева можно сравнить с последовательной раскадровкой чаадаевского дела с постоянным изменением масштаба кадра. Контекстуализация какого-либо события — это всегда искусственное предприятие: контексты не даны нам априори, они выявляются и разграничиваются исследователем. Но для определенных текстов и событий варианты проблематизации и контексты, что называется, напрашиваются сами собой. Первое «Философическое письмо» как раз можно считать таким текстом. Во-первых, различаются время создания текста (1829) и время его публикации (1836); во-вторых, текст изначально, по замыслу Чаадаева, был предназначен для публикации во Франции, но вышел из печати в России; в-третьих, письмо было написано на французском, но переведено на русский язык. В первых трех главах М. Велижев рассматривает трансформацию политико-философского, политико-лингвистического и идеологического контекста публикации. Если бы письмо было опубликовано во Франции, оно не вызвало бы никакого резонанса, так как «и в языковом, и в содержательном плане выглядело банальным набором общих мест, к тому же малоактуальных с точки зрения современной политики» (с. 55). Далее, от сравнения Франции и России М. Велижев переходит к анализу особенностей публичной политической сферы 1830-х

годов, подготавливая читателя к сравнению стратегий Чаадаева и Николая Надеждина, издателя журнала «Телескоп». Заключительная глава первого раздела называется *Интермеццо*, а последняя, одиннадцатая глава — *Post scriptum*, они отзеркаливают друг друга, представляя публичную и личную стратегию Надеждина. Не вдаваясь в детали, чтобы дать возможность читателю насладиться обеими этими главами, скажу лишь, что истории главных героев М. Велижев описывает столь аккуратно и драматически, что невольно проникаешься сочувствием и к Чаадаеву, и к горе-жениху Надеждину, не сумевшему реализовать свои матримониальные надежды (тавтология здесь, боюсь, необходима). Второй раздел книги, на мой взгляд, менее увлекательный — он посвящен функционированию институтов власти в николаевскую эпоху. Здесь читатель узнает о влиянии на чаадаевское дело соперничества между начальником III Отделения А. Х. Бенкендорфом и министром народного просвещения С. С. Уваровым, о роли в их конфликте попечителя Московского учебного округа С. Г. Строганова, о проповедях Филарета, приуроченных к десятилетнему юбилею коронации Николая I, о практиках правоприменения в отношении «безумных», описанных в стиле М. Фуко. Но лично для меня самым удивительным и непостижимым в этом разделе, не считая главы о матримониальных планах Надеждина, оказывается реконструкция микроконтекста принятия императором решения о признании Чаадаева «умалишенным» (гл. 7). Отказ от предложенного С. С. Уваровым уголовного преследования Чаадаева в пользу признания его сумасшедшим, по мнению М. Велижева, был не продуманным ходом, но скорее ситуативным решением, зависящим от настроения императора в конкретный день. Читатель оказывается фактически рядом с Николаем I в Царском Селе, узнает и время чтения (или скорее беглого просмотра) 15-го номера «Телескопа» — до 9 утра 22 октября, и практически «слышит» мысли императора. Более того, М. Велижев очень бережно отмечает, что 22 октября в календаре имперских торжеств было значимым днем — это праздник Казанской иконы Божьей Матери, которая ассоциировалась с победами русской армии в 1612 и 1812 годах: «22 октября царь, будучи человеком глубоко религиозным, еще острее ощущал собственную провиденциальную миссию» (с. 169). Поэтому мрачное письмо Чаадаева могло показаться императору скорее нелепым и абсурдным, чем преступным. К концу главы М. Велижев замечает, что «эмоциональный порыв, вероятно, поддерживался и рациональной калькуляцией» (с. 176), подразумевая желание Николая I вывести из общественной дискуссии вопрос о форме правления в России, тем самым избежав повторения восстания декабристов. Однако этому контексту в монографии уделяется не так много внимания.

Одним из следствий контекстуализации события является его ограничение: исследователь вынужден ограничивать поле своего зрения, чтобы разглядеть, детализировать отдельные его аспекты. С детализацией М. Велижев справляется хорошо, однако при чтении создается впечатление, что автор настойчиво предлагает читателю идею о случайности стечения обстоятельств в деле Чаадаева, снижая его значимость. При этом он полностью игнорирует восприятие публикации первого «Философического письма» теми интеллектуалами, которые были знакомы с письмами еще в формате самиздата. К примеру, странным в таком контексте выглядел бы ответ Пушкина в личном письме Чаадаеву от 19 октября 1836 года [Пушкин, 1997], из которого следует, что поэт, хоть и был знаком с «Философическими письмами» до публикации, не имеет никакого представления, например, о содержательных и языковых аспектах письма и его идейном фоне. Что, на мой взгляд, совершенно абсурдно. Пушкин отреагировал как рядовой читатель «Телескопа», а не как развитый интеллектуал. Были ли контексты написания писем столь очевидны, как это представляет читателю М. Велижев? Полагаю, это вопрос для последующих исследований. Проблематика дела Чаадаева по-прежнему не исчерпана.

Список источников

Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 632 с. (Серия «Интеллектуальная история»).

Павлов А. В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос. 2018. Т. 28, № 4. С. 261–302.

Пушкин А. С. Письмо П. Я. Чаадаеву 19 октября 1836 г. Петербург // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 17 т. М.: Воскресенье, 1997. Т. 16. С. 171–173.

References

Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noi istorii [The Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History] (2018) Compiled by T. Atnashev and M. Velizhev. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]. (Series "Intellectual History").

Pavlov, A. V. (2018) "Priklyucheniya metoda: Kembridzhskaya shkola (politicheskoi mysli) v kontekstakh" ["Adventures of Method: The Cambridge School (of Political Thought) in Contexts"], *Logos*, 28(4), pp. 261–302.

Pushkin, A. S. (1997) "Pis'mo P. Ya. Chaadaevu 19 oktyabrya 1836 g. Peterburg" ["Letter to P. Ya. Chaadaev, October 19, 1836, Petersburg"], in Pushkin, A. S. *Polnoe*

sobranie sochinenii: v 17 tomakh. Tom 16 [Complete Works: in 17 vols. Vol. 16]. Moscow: Voskresen'e, pp. 171–173.

Информация об авторе: Алина Андреевна Жукова — аспирант, стажер-исследователь Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

Information about the author: Alina A. Zhukova — Doctoral Student, Research Assistant at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 21.11.2024;
одобрена после рецензирования 01.06.2024;
принята к публикации 10.06.2024.

The article was submitted 21.11.2024;
approved after reviewing 01.06.2024;
accepted for publication 10.06.2024.